ISSN 2415-8739 (print) **Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 36–50**
ISSN 2500-1566 (online) Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2024. Vol. 20. No. 2. P. 36-50

Археология

Научная статья
УДК 902.1
EDN: WUZULG
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-36-50

О начальном этапе заселения Курильских островов (в связи с открытием культуры длинных могил)

О.В. Яншина

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В 2022 г. в журнале «Археология, этнография и антропология Евразии» вышла статья «Начальный неолит Курильских островов: культура длинных могил». В ней вводятся в научный оборот новые уникальные материалы, представляющие эпоху рубежа плейстоцена и голоцена. Это первые источники столь раннего времени в археологии Курильских островов. Более того, они столь необычны, что не вписываются ни в одну региональную систематику соответствующих им по времени памятников. Аналогий им нет ни на Амуре, ни на Сахалине, ни на Хоккайдо. На основании собранных материалов авторы статьи выделяют в истории Курильских островов новую эпоху – «начального неолита» (13,0–8,5 тыс. кал. л. н.) – и новую связанную с ней культуру – «культуру длинных могил». Предложенное авторами толкование новых источников радикально меняет наши представления не только о начале заселения собственно Курильских островов, но и о том, как шли процессы неолитизации в островной части дальневосточного региона в целом. Это и побудило к подготовке небольшого аналитического обзора, основная цель которого состоит в том, чтобы понять, насколько валидна концепция, предложенная в упомянутой статье. Сравнив новые материалы с уже известными на Курилах, Сахалине и Хоккайдо, мы в результате приходим к выводу, что новые источники в массе своей представляют эпоху, связанную с повсеместным установлением в бассейне Японского моря неолитического образа жизни (поселения с полуподземными жилищами, керамическое производство, украшения) и соответствующую рубежу бореального и атлантического периодов. Что же касается более ранних дат, уходящих в конец плейстоцена и самое начало голоцена, то для их понимания представленных в публикации данных недостаточно. Пока ни сами «длинные могилы», ни какие-либо иные находки из числа опубликованных невозможно непротиворечиво соотнести с ними.

Ключевые слова: Дальний Восток, Курильские острова, Сахалин, Хоккайдо, археология, ранний неолит, керамика, жилища, погребения

Для цитирования: Яншина О.В. О начальном этапе заселения Курильских островов (в связи с открытием культуры длинных могил) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 36–50. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-36-50. EDN: WUZULG.

Archaeology

Original article

On the initial peopling of the Kuril island (to the discovery of the long barrows culture)

Oksana V. Yanshina

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Abstract. In 2022, the journal “Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia” published the article “The Incipient Neolithic of the Kurile Islands: The Culture of Long Barrows”. It introduces new unique materials dated to the Pleistocene-Holocene boundary. These are the first sources of such an early epoch in the archeology of the Kuril Islands. Moreover, they are so unusual that they do not fit into any regional archaeological taxonomy. There are no analogues to them either on the Amur, or on Sakhalin, or on Hokkaido. Based on the collected artifacts and dates, the authors identified a new era in the history of the Kuril Islands - the “Incipient Neolithic” (13.0-8.5 thousand cal BP) – and a new associated culture – the Long Barrows. The interpretation of new relics

© Яншина О.В., 2024

proposed by the authors radically changes our perceptions not only of the initial peopling of the Kuril Islands proper, but also of how the neolithization took place in the island part of the Far Eastern region as a whole. This prompted the preparation of a small analytical review, the main purpose of which is to understand how valid the concept proposed in the mentioned article is. Having compared the new materials with those already known in the Kuril Islands, Sakhalin and Hokkaido, we ultimately come to the conclusion that the new sources for the most part represent the epoch associated with the widespread establishment of the Neolithic way of life in the Sea of Japan area (settlements with semi-underground dwellings, ceramic production, jewelry) and corresponding to the boundary of the Boreal and Atlantic periods. As for the earlier dates, going back to the end of the Pleistocene and the very beginning of the Holocene, the data presented in the publication is not enough to understand them. So far, neither the "long barrows" themselves nor any other published finds can be consistently correlated with them.

Keywords: Far East, the Kuril Islands, Sakhalin, Hokkaido, archaeology, Early Neolithic, pottery, dwellings, burials

For citation: Yanshina O.V. (2024) On the initial peopling of the Kuril island (to the discovery of the long barrows culture). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 36-50. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-36-50. EDN: WUZULG.

Введение

В последние 20 лет произошел качественный скачок в изучении древнейшего прошлого Курильской островной гряды. Масштабные разведки и исследования были проведены в это время на северо-среднекурильских островах (Fitzhugh, Shubin et al., 2002; Fitzhugh, Moore et al., 2004; Tezuka, Fitzhugh, 2004; Phillips, Speakman, 2009; Phillips, 2010; Fitzhugh, 2012; Fitzhugh, 2018; Fitzhugh, 2019; Fitzhugh, Gjesfjeld et al., 2016; Gjesfjeld, Etnier et al., 2019 и др.), Кунашире (Самарин, Шубина, 2013; Дедяхин, 2013) и Итурупе, на котором, кроме того, была фактически впервые раскопана целая серия памятников (Шубина, Яншина, 2014; Пташинский, 2011; Пташинский, 2014; Пашенцев, 2014; Такасэ, Шубина и др., 2017; Можаев, 2019; Моисеев, Зубова и др., 2019; Яншина, 2021b; Грищенко, Пашенцев, Василевский, 2022; Yanshina, Kuzmin, 2010, Kuzmin, Yanshina et al., 2012; Kuzmin, Yanshina, Grebennikov, 2023).

Интерпретация новых материалов между тем вызывает немало вопросов. Один из них, связанный с обстоятельствами первичного заселения южной части Курильских островов, и предлагается к обсуждению в данной публикации. Поводом для ее подготовки стала недавно вышедшая в журнале «Археология, этнография и антропология Евразии» статья «Начальный неолит Курильских островов: культура длинных могил» (Грищенко, Пашенцев, Василевский, 2022). В ней вводятся в научный оборот не только новые материалы, происходящие, строго говоря, из первых масштабных раскопок, когда-либо проводившихся в этом регионе (общая вскрытая площадь на двух соседних и идентичных памятниках Китовое-2 и Китовое-4 ок. 5000 кв. м), но и материалы, отражающие эпоху рубежа плейстоцена и голоцена. Это первые источники столь раннего времени на Курильских островах. Более того, они столь уникальны, что не вписываются ни в одну региональную систематику. Аналогий им нет ни на Амуре, ни на Сахалине, ни на Хоккайдо.

Строго говоря, опубликованные в этой статье данные переворачивают все наши десятилетиями складывавшиеся представления о том, когда начался и как протекал процесс первоначального заселения Курильских островов. Это и побудило к подготовке небольшого аналитического обзора, посвященного этому вопросу. Его основная цель состоит в том, чтобы понять, насколько интерпретация новых материалов, предложенная авторами упомянутой статьи, валидна, а также привлечь внимание специалистов к этим источникам.

Для начала обозначим общую фабулу. В 2019–2020 гг. на о. Итуруп около пос. Китовый сотрудниками Сахалинского государственного университета были проведены спасательные раскопки двух, рядом расположенных памятников. Их материалы, в том числе стратиграфия, выявленные в ходе работ объекты, даты и находки оказались идентичны. Всего было раскопано пять жилищ и три ритуальных объекта с так называемыми длинными могилами: на ст. Китовый 2 – одно жилище (№ 5) и три ритуальных объекта (№ 1–3), на ст. Китовый 4 – три жилища (№ 1–3) и один ритуальный объект (№ 4).

Радиоуглеродные даты (далее – ^{14}C)[1], полученные по образцам угля, показали следующую

[1] Даты получены в ЦКП Института географии РАН (индекс IGAN) и лаборатории геологии кайнозоя, палеоклиматологии и минералогических индикаторов климата Институ-

картину: жилище № 1 – 7375±30 – 7990±120 ^{14}C л. н.; жилище № 2 – 7005±175 ^{14}C л. н.; жилище № 3 – 11775±30 – 10775±30 ^{14}C л. н.; жилище № 5 – 9800±130 ^{14}C л. н.; ритуальный объект № 4 – 7570±30 ^{14}C л. н. В ходе полевых работ была также собрана необычная керамическая посуда архаичного облика – либо с гладкими стенками, либо украшенная горизонтальными налепными валиками. Возраст ее по нагару 8140±35 – 7940±40 ^{14}C л. н. Каменная индустрия ориентирована на получение бифасиальных орудий, среди которых бифасы листовидных очертаний, в том числе крупные, наконечники стрел, тесла и долота, абразивы. Изготавливались орудия из базальта, кремня (яшмы), в единичных случаях из обсидиана. Из необычных находок отмечены «жировая лампа» на базальтовой плитке с выбитым квадратным углублением и керамические бусины цилиндрической формы.

По мнению авторов публикации, полученные в ходе раскопок обоих памятников материалы представляют единую культуру, названную ими «культурой длинных могил», а также самый ранний этап в освоении Курильских островов, названный ими «начальным неолитом» и датированный 13,0–8,5 тыс. календарных л. н. (далее – кал. л. н.).

Поскольку практически все собранные в ходе этих работ материалы не имеют прямых аналогий на соседних территориях, правильно оценить их можно только поместив в более широкий контекст. Поэтому далее мы рассмотрим, насколько «начальный неолит» Курильских островов соответствует общей канве развития соседних регионов, прежде всего, Сахалина и Хоккайдо, на этапе перехода от палеолита к неолиту.

Начало неолита на Сахалине и Хоккайдо

Ближайшими территориями, откуда мог начаться процесс заселения Курильских островов, являются Хоккайдо и Сахалин. В эпоху, о которой идет речь, они вместе с южными Курильскими островами представляли собой единый Сахалино-Хоккайдский полуостров, соединенный с материком в районе современного Татарского пролива. К северо-восточной окраине этого полуострова примыкал остров Итуруп, а с ним и вся цепь Курильских островов. В интервале 12,0–8,0 тыс. кал. л. н. береговая линия стала приобретать современные очертания. Сначала отделились друг от друга Хоккайдо, Сахалин и южные Курильские острова, а затем уже Сахалин отделился от материка (Кузьмин, 2005).

Переход от палеолита к неолиту в этом островном регионе занял не одну тысячу лет и проходил по общему сценарию, хотя на Сахалине и Курилах он изучен еще недостаточно (Yanshina, 2019). Имеются также трудности с синхронизацией основных событий этой эпохи, поскольку ее внутренняя динамика по-разному фиксируется исследователями, работающими в каждом из трех районов. Термин «начальный неолит»[2], использованный в обсуждаемой работе, является калькой с японской терминологии, соответствия которому в работах сахалинских и вообще российских археологов нет. По этой причине при сопоставлении материалов Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов обращать внимание на термины не имеет смысла, а вместо этого нужно фиксировать содержание процессов.

В археологии Японии начало неолитизации ассоциируют с эпохой становления культуры протодземона[3] (Incipient Jomon) (16,5–11,5 тыс. кал. л. н.). С ней было связано появление целого комплекса инноваций – отказ от составных орудий и пластинчатых технологий их изготовления в пользу

та геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН (индекс СОАН).

[2] Следует обратить внимание на несоответствие терминов, использованных авторами при подготовке статьи. Для перевода термина «начальный неолит» на английский язык ими использовано словосочетание “Incipient Neolithic“. В археологии Японии оно обозначает самую раннюю фазу процесса неолитизации, связанную с появлением керамики. В отечественной литературе это словосочетание обычно переводится на русский язык как «изначальный» или «зарождающийся» неолит. Это важно, поскольку переводу «начальный неолит» на русский язык в японской археологии соответствует термин “Initial Neolithic”, а это уже следующая эпоха. В связи с этим неясно, имеем ли мы дело в статье с неудачным переводом, или же авторы намеренно использовали термин «Incipient Neolithic» в целях синхронизации новой эпохи с соответствующей эпохой на Японском архипелаге.

[3] Возможно, было бы правильнее в отечественной литературе во избежание путаницы с переводами использовать для обозначения на русском языке эпохи «Incipient Jomon» более нейтральный термин протодземон / протонеолит.

орудий цельного типа, появление керамической посуды, новых категорий орудий (стрел, топоров, калибраторов древков стрел и др.) и новых технологий обработки камня (абразивной, фасиальной, пикетажа), полуподземных жилищ, а также переход к новому более оседлому образу жизни. Особенность Хоккайдо и Сахалина в том, что все эти новации не получили здесь распространения, а вместо этого продолжали развиваться традиционные верхнепалеолитические культуры.

Визитной карточкой Хоккайдо в это время были микропластинчатые индустрии, сопровождавшиеся в комплексах тонкими бифасами и крупными пластинами, служившими нуклеусам, а также открытые стоянки с многочисленными очагами, вокруг которых, как правило, и концентрировались находки. Из новаций этого времени, возникших под влиянием южных соседей, здесь получили некоторое распространение наконечники стрел типа тачикава и шлифованные топоры / тесла. Кроме этого, на Хоккайдо известны три памятники, где была найдена керамическая посуда (Yanshina, 2017; Natsuki, 2022).

Стоянки Тайсо-3 и Татикарусюнай М расположены на юго- и северо-востоке Хоккайдо. Первая датируется по нагару на керамике 14700–13900 cal BP, вторая по углю – 15000–13800 кал. л. н. По своему облику керамика с обоих памятников близка к синхронным им комплексам на Хонсю, где посуда украшалась горизонтальными рядами оттисков ногтя или скрученного шнура. Сосуды эти имели шиповидное или приостренное дно и высокий конический резервуар. Третья стоянка Оаса-1 расположена на юго-западе Хоккайдо и датируется на основании типологии ок. 11 тыс. кал. л. н. Ближайшие ей аналогии можно найти также на Хонсю – в памятниках типа Муроя. Посуда здесь имела приземистый резервуар с плоским квадратным дном и украшалась линейными и геометрическими узорами из оттисков и проката шнура, а также имела мелкие «ушки» на устье.

Что же касается Сахалина, то местные памятники, синхронные эпохе протодземона, совсем не имеют «неолитоидных» элементов (Василевский, 2003; Василевский, 2008).

На смену эпохе протодземона в Японии приходит очень длительный период начального дземона (Initial Jomon) (11,5–7,0 тыс. кал. л. н.), вобравший в себя все предшествующие достижения. С ним связано распространение раковинных куч и поселений со стационарными жилищами, появление новых керамических традиций, основанных на использовании техники проката и веревки, и пока еще редких первых погребений, украшений и ритуальных объектов. Однако и Хоккайдо, за исключением его юго-западной оконечности, и Сахалин развивались в это время по-прежнему обособленно от остальной части Японского архипелага и находились в стороне от этого процесса. Публикации последних лет позволяют выделить в их развитии три этапа (Грищенко, 2011; Грищенко, 2013; Василевский, Грищенко, Орлова, 2010; Morisaki, Kunikita, Sato, 2018; Fukuda, Grishchenko, 2017; Natsuki, 2022; см. также Яншина, 2017; Яншина, 2021a; Yanshina, 2019).

Ранний этап (11,5–9,5 тыс. кал. л. н.) был периодом относительной нестабильности. К этому времени микропластинчатые индустрии уже в основном исчезли на Хоккайдо (Takakura, 2020), но местные культуры еще сохраняли преимущественно верхнепалеолитический образ жизни. Новации в основном были связаны с распространением бифасиальных и отщеповых технологий. В комплексах этого времени отмечается мозаичность и сочетание черт, характерных для эпохи протодземона как на Хонсю, так и на Хоккайдо, причем последние преобладали. Керамическая посуда все еще отсутствовала, хотя один памятник с керамикой этого времени все-таки известен. Это стоянка Тайсо-6 с датами 11050–10300 кал. л. н., полученными по нагару на сосудах. На Сахалине надежно датированные памятники этого времени отсутствуют.

Второй этап (9,5–8,0 тыс. кал. л. н.) начинается с массового распространения на северо-востоке Хоккайдо и Сахалине керамической посуды, жилищ и первых украшений. Строго говоря, этот этап открывает здесь эпоху раннего неолита, по всем признакам сопоставимую с начальным дземоном остальных островов Японского архипелага, хотя и отличающуюся по целому ряду параметров, в том числе и керамическими традициями.

Памятники этого времени представляют собой поселения с большими полуподземными жилищами, при этом размер поселений на Хоккайдо был больше, чем на Сахалине. Жилища могли иметь

подквадратные или округленные очертания. Очаги и столбовые ямы могли располагаться как внутри котлованов, так и снаружи. На Хоккайдо есть также памятники, предположительно имеющие ритуальный характер. К таковым относится Чуйо А. Здесь раскопаны десятки ям, по размеру сопоставимые с ямами от вторичных захоронений, и в каждой из них найдено по одному сосуду и два-три каменных изделия.

Сосуды этого времени представлены несколькими типами. Для всех них характерно плоское дно и простой открытый резервуар. Украшались сосуды оттисками фигурных штампов и палочек, обмотанных веревкой, или же прочерченными композициями. Стенки их либо оставались гладкими, либо выравнивались гребенчатыми инструментами. Снаружи на дне у них часто имеются отпечатки раковины, текстиля, древесного листа или коры. Наибольшее разнообразие типов керамики отмечается на Хоккайдо. Здесь выделены типы акацуки, нумадзири, хигаси-кусиро, меманбецу, урахоро и др. На Сахалине керамика имеет аналогии с типами акацуки и меманбецу. Из нее примерно к 8,000 тыс. кал. л. н. вырастает керамическая традиция южно-сахалинской культуры (Яншина, 2017).

В комплексах этого этапа керамика сопровождалась, помимо новых неолитических категорий каменных орудий, либо пластинчатыми индустриями, либо бифасиальными и отщеповыми, соотношение которых было разным на Хоккайдо и Сахалине.

На Хоккайдо первые неолитические памятники появились, судя по датам с нагара на посуде, около 9,5 тыс. кал. л. н. Они содержали керамику типа акацуки и нумадзири, а также орудия, изготовленные на отщепах с применением фасиальной вторичной обработки, а в некоторых случаях – на палеолитических по облику толстых пластинах. Спустя примерно тысячу лет, около 8,4 тыс. кал. л. н., здесь произошла полная замена этих индустрий на пластинчатую призматическую технику, и вместе с ней возникли новые типы керамической посуды – меманбецу, токоро-14, футацуяма, тайсо IV, урахоро и др. В археологической литературе эти своеобразные комплексы получили название культуры пластинчатых наконечников стрел (Kimura, 1999). Спустя еще несколько столетий, около 8,2 тыс. кал. л. н., на смену этой культуре пришли уже развитые бифасиальные индустрии и опять же – новые типы керамики.

На Сахалине первые неолитические памятники появляются примерно тогда же – в интервале 9,5–8,5 тыс. кал. л. н. Они также связаны с несколькими типами керамики, причем каждый из них так или иначе близок к керамической посуде Хоккайдо. Самый ранний керамический комплекс Сахалина (Славная-4) воспроизводит традиции, характерные для самой ранней керамики Хоккайдо, – типа *акацуки*, главной отличительной чертой которой является оттиск раковины морского гребешка на дне. Чуть более поздние сахалинские типы керамики (Адо-Тымово-2, Стародубское-3, Чайво-6) отражают уже традиции более поздней керамики Хоккайдо, связанной с пластинами. На это указывают такие их черты, как подпрямоугольные / овальные донышки сосудов, отпечатки древесной коры и текстиля на дне, ушки-выступы на венчиках, выравнивание стенок гребенкой, примесь ракушки в тесте, узоры из фигурных штампов, расположенных в шахматном порядке.

Особенность Сахалина, однако, в том, что здесь пока не устанавливается отчетливая смена во времени бифасиальных индустрий на пластинчатые при переходе от бескерамической фазы развития к керамической. Вместо этого здесь выделяется короткий период, когда конкретные типы раннеолитической керамики сочетаются в комплексах то с пластинчатыми, то с бифасиальными индустриями. Уверенным можно быть лишь в том, что начиная с 8,0–8,2 тыс. кал. л. н. на Сахалине, как и на Хоккайдо, вместе с южно-сахалинской культурой окончательно устанавливаются бифасильные технологии.

Таким образом, пластинчатые техники обработки камня как бы вклиниваются в естественный ход эволюции неолитических культур островного региона, связанный с заменой палеолитических микропластинчатых технологий неолитическими бифасиальными.

Считается, что пластинчатая техника имеет северное континентальное происхождение и попала на Хоккайдо через Сахалин (Kimura, 1999), что отчасти подтверждается ^{14}C датами (табл.). Кроме того, на это указывает и облик керамической посуды, сопровождавшей пластинчатые комплексы. Она в корне отличалась от керамики

Таблица. **Датировки первых памятников с пластинчатыми наконечниками в районе Японского моря**
Table. **The earliest radiocarbon dates of blade arrowheads assemblages across Sea of Japan area**

Регион	**Дата, кал. л.н.**[1]	**Опорный памятник**	**Источник**
Средний Амур	9540–9030	Новопетровка-3	Деревянко, Нестеров и др., 2020
Нижний Амур	9450–7700	Ямихта (Кондон-3)	Fukuda, Shewkomud et al., 2014. P. 75-76
Сахалин	9500–8500	Адо-Тымово-2, Славная-4	Fukuda et al., 2015a; Fukuda et al., 2015b
Хоккайдо	8600–7900	Ячийо, Хигаси-Кусиро, Тайсо	Morisaki, Kunikita, Sato, 2018; Obihiro. Yachiyo A site, 1990
Приморье	~ 9000–8500[1]	Чертовые Ворота, Рудная пр.	Батаршев, 2009; Kuzmin, Keally et al., 2012

как из синхронных, так и из более ранних протодземонских памятников, расположенных к югу от Хоккайдо, и, напротив, вполне узнаваемо воспроизводила черты более ранней осиповской и громатухинской керамики, распространенной на Амуре. Это плоское дно, цилиндрический резервуар, выравнивание стенок гребенчатым инструментом, оттиски текстиля на донышках. В раннем неолите посуда такого типа вообще распространилась очень широко. Она известна на о. Кюсю, северо-востоке Китая, в Нижнем и Среднем Приамурье, а также в Приморье.

Таким образом, рубеж второго и третьего этапов на Сахалине и Хоккайдо приходится на 8,0–8,2 тыс. кал. л. н. Маркирует его отказ от пластинчатых технологий и переход к бифасиальным, уже гораздо более совершенным, а также появление новых типов керамики. Однако в археологической систематике обоих регионов этот рубеж и третий этап в целом отражены по-разному.

В археологии Сахалина с этим моментом связано окончательное установление южносахалинской культуры, существование которой сахалинские археологи ассоциируют с развитым неолитом, заканчивающимся примерно 5,5–5,0 тыс. кал. л. н. В археологии Хоккайдо этот рубеж, напротив, не акцентирован и проходит внутри эпохи начального дземона, хотя установившиеся в тот момент новые типы керамики переживают ее и исчезают только около 6,0 тыс. кал. л. н. – уже в эпоху раннего дземона.

К сожалению, исторически сложившееся в археологии Хоккайдо использование одного термина – начальный дземон – для столь длительной эпохи выглядит не вполне удачным. На самом деле интервал 8,0–8,2 тыс. кал. л. н. оказался очень важным для островного мира. После него развитие сахалинских и хоккайдских культур полностью расходится на несколько тысячелетий вплоть до начала палеометалла.

Начало неолита на Курильских островах

Такова общая канва эпохи, связанной с начальными этапами неолитизации на Сахалине и Хоккайдо. Теперь рассмотрим, как соотносятся с ней материалы, происходящие с Курильских островов. С этой точки зрения, помимо «культуры длинных могил», о которой речь пойдет далее, интерес здесь представляет только один единственный датированный памятник, расположенный всего в 5 км к северу от стоянок с «длинными могилами». В литературе он известен как стоянка Янкито или стоянки Янкито-1 и 2 (Yanshina, Kuzmin, Bur, 2009). На основании ^{14}C хронологии материалы его раннего комплекса датируются временем ок. 8000 кал. л. н., что в археологической периодизации Сахалина и Хоккайдо соответствует рубежу второго и третьего этапов начального дземона. До обнаружения ст. Китовый-2 и 4, это были самые ранние свидетельства заселения Курильских островов (Kuzmin, Yanshina et al., 2012; Fitzhugh, Gjesfjeld et al., 2016).

Керамика со ст. Янкито является точной копией керамики типа *урахоро*, которая была распространена на Хоккайдо в памятниках культуры пластинчатых наконечников стрел. Основным отличительным признаком последней являются орудия труда на крупных ножевидных пластинах. Однако на Янкито керамика типа *урахоро* сочеталась с индустрией, основанной на технике отщепа и фасиальной вторичной обработке. Такое несоответствие, конечно, вызывает много вопросов о причинах различий. В то же время есть несколько аргу-

ментов, которые все же позволяют ставить стоянку Янкито в один ряд с другими памятниками культуры пластинчатых наконечников Сахалина и Хоккайдо.

Во-первых, за все годы исследований на Янкито все-таки найдены три артефакта, отражающих пластинчатую технику, и все три изготовлены из обсидиана, источники которого расположены на Хоккайдо (Kuzmin, Yanshina, Grebennikov, 2023). Их наличие свидетельствует о том, что люди, жившие на Янкито, все же были знакомы с пластинчатыми индустриями и поддерживали хотя бы эпизодические контакты с жителями Хоккайдо.

Во-вторых, помимо Янкито, на Курильских островах есть еще как минимум один памятник с близким составом находок. Речь идет о материалах, собранных на стоянке Река Темная-2, расположенной на Кунашире в 8 км к югу от мыса Ивановского в устье реки Темной, впадающей в Кунаширский пролив (Самарин, Шубина, 2013. С. 66–67).

Коллекция этого памятника содержит крупный фрагмент керамического сосуда и два обломка пластин из темно-серого обсидиана (СОКМ, колл. № 8139). Сосуд имел простую форму, почти вертикальные стенки и прямой венчик со слегка скругленной кромкой. Изготовлен из формовочной массы с добавками крупной минеральной примеси. Толщина стенок 0,8–0,9 см. Поверхности покрыты обмазкой. Обожжен при невысокой температуре, цвет его неровный тусклый желтовато-сероватый, изломы почти черные. На обеих стенках следы заглаживания твердой гребенкой. По своим характеристикам этот сосуд идентичен керамике типа *урахоро*, за исключением декоративного орнамента, которого на нем нет. Но это как раз вполне соответствует керамическим традициям Хоккайдо и Сахалина, т. к. в раннем неолите сосуды там чаще всего орнамента не имели.

Учитывая все в целом скорее всего стоянка на реке Темной относится к тому же времени, что и комплекс с керамикой типа *урахоро* на стоянке Янкито, и тот факт, что на ней также найдены пластины из обсидиана, весьма показателен.

В-третьих, бифасиальный характер индустрии, сочетающейся с керамикой типа *урахоро* на Итурупе, вполне может быть объяснен двумя обстоятельствами. С одной стороны, как мы знаем, и на Сахалине есть комплексы, в которых одна и та же керамика сопровождается то бифасиальной, то пластинчатой индустрией. Следовательно, на Янкито мы вполне можем иметь дело с аналогичным явлением. С другой стороны, керамика типа *урахоро* – самая поздняя из всех керамических типов, связанных на Хоккайдо с пластинчатыми наконечниками, а на Итурупе она имеет еще чуть более поздний возраст, когда и на Хоккайдо, и на Сахалине уже установились бифасиальные комплексы. Это значит, керамика типа *урахоро* вполне могла попасть на Курилы уже вместе с бифасами.

Учитывая все изложенное, по-видимому, мы все-таки можем сказать, что остров Итуруп входил в область распространения культуры пластинчатых наконечников стрел и являлся самой крайней северо-восточной точкой ее распространения. Причем с этим согласуется не только хронология находок, но и облик найденных здесь артефактов.

Проблемы интерпретации «культуры длинных могил». С учетом изложенного выше, анализ находок, сделанных на ст. Китовый-2 и 4, рисует довольно противоречивую картину. Прежде всего, выделенная авторами эпоха «начального неолита» выглядит чрезмерно длительной (13,0–7,5 тыс. кал. л. н.), т. к. охватывает не только конец эпохи протодземона, но и всю эпоху начального дземона на соседних территориях. Несмотря на это, по мнению авторов, «культура длинных могил» существовала на протяжении всего этого времени без каких-либо заметных изменений. На фоне Сахалина и Хоккайдо, где за эти несколько тысячелетий произошла не одна смена культур, такая устойчивость выглядит совершенно невероятной. Это заставляет думать, что далеко не все находки, которые могли иметь отношение к полученным датам, были опубликованы в обсуждаемой статье или приняты во внимание ее авторами.

Далее, ни один из признаков, характеризующих на Хоккайдо и Сахалине эпоху протодземона, а также ранний этап начального дземона, т. е. эпохи, предшествующие массовому распространению керамики, жилищ и украшений и сохраняющие верхнепалеолитические традиции, не представлен среди материалов ст. Китовый-2 и 4. Причем, здесь нет ключевых для этого времени находок. Это пластины, микропластины, микропластинчатые нуклеусы или дериваты микропластинчатого расщепления, обсидиан, наконечники типа тачикава или по-

суда с характерными формами и орнаментом (шиповидным дном, ногтевыми оттисками и т. п.). В то же время здесь есть объекты, которые, несмотря на ранние даты, противоречат облику соседних синхронных им культур. Это наземное жилище № 3 со стоянки Китовый-4 (12950–12720 кал. л. н.) и углубленное жилище № 5 со стоянки Китовый-2 (11650–10760 кал. л. н.). И здесь надо отметить два обстоятельства.

Во-первых, жилища столбовой конструкции с расположенными внутри очагами, не важно, углубленные или наземные, появляются в островном регионе не ранее 9,5 тыс. кал. л. н. Сама по себе эта традиция на востоке Азии зародилась еще в эпоху протодземона, но на самом юге Японского архипелага (см. обзор: Яншина, 2021а), и уже оттуда стала распространяться сначала на Хонсю, а затем, видимо, и на материк. На север Китая, в Маньчжурию, в Приморье и Приамурье, а также на Хоккайдо и Сахалин эта новация попадает лишь 9,0–8,0 тыс. кал. тыс. л. н., и убедительных возможных предшественников среди местных культур она пока не имеет. Было бы очень странно, если бы в самую отдаленную часть этого региона – на Курилы – она проникла намного раньше.

Во-вторых, жилища, раскопанные на ст. Китовый-2 и 4, делятся на два типа. Три из них (№ 1, 2 и 5) полуподземные с очагами и столбовыми ямами в центре и одно (№ 3) наземное без очага и со столбовыми ямами по периметру. Это означает, что конструктивно жилище № 5 с ранними датами (11650–10760 кал. л. н.) ничем не отличается от жилищ № 1 и 2 с более поздними датами (9260–7520 кал. л. н.). Что же касается наземного жилища № 3 – самого раннего, то характер его не вполне понятен. Обе его отличительные черты характерны для ритуальных площадок с «длинными могилами», возраст которых 8400–8340 кал. л. н. Поэтому здесь необходима дополнительная информация.

В данном контексте надо упомянуть еще один сюжет. Наличие на некоторых сосудах со ст. Китовый-2 и 4 налепных валиков, позволило авторам обсуждаемой публикации провести прямую связь между ними и керамикой *рюсэнмон* эпохи протодземона, для которой была характерна аналогичная орнаментация. Дополнительным указанием на «до-дземонский» возраст керамики со ст. Китовый-2 и 4 стало также отсутствие на ней веревочных оттисков и гладкие стенки сосудов. Однако и здесь есть свои нюансы.

Во-первых, керамика *рюсэнмон* эпохи протодземона отличалась округлым или приостренным дном и вообще не имела хождения на Хоккайдо. Более того, в эпоху похолодания молодого дриаса (12900–11650 кал. л. н.), с которым соотносятся даты из самого раннего наземного жилища № 3, керамика *рюсэнмон* выходит из употребления даже на Хонсю – как минимум в северной его части. На Хоккайдо и Сахалине посуда с плоским дном массово появляется не ранее 9,5 тыс. кал. л. н., а с учетом единственного исключения – керамики стоянки Тайсо-6 – 11,1–10,3 тыс. кал. л. н. Но эта керамика не имела валикового орнамента и отличалась почти обязательным оттиском морского гребешка на дне. На Сахалине следы этой традиции видны вполне отчетливо, а на ст. Китовый-2 и 4 их нет.

Во-вторых, гладкие стенки действительно характерны для керамики *рюсэнмон*, однако не только для нее. На Хоккайдо самая ранняя плоскодонная керамика также зачастую отличалась гладкими стенками, а на Сахалине эта черта была вообще ведущей и в раннем неолите, и в развитом, и в позднем. Гладкими стенками отличалась в островном мире и поздняя керамика охотской культуры. Поэтому эту черту в конечном счете необходимо рассматривать только в комплексе с другими характеристиками.

Таким образом, среди опубликованных материалов ст. Китовый-2 и 4 нет ничего, чтобы могло бы указывать на эпохи протодземона и раннего этапа начального дземона, которым соответствует часть полученных на этих памятниках ^{14}C датировок.

Следующее наблюдение касается керамической посуды. Если она никак не вписывается в круг керамических традиций эпохи протодземона, то с керамикой начального дземона она все же имеет вполне определенные сходства. Это в первую очередь плоская форма дна, а также простые ситулообразные формы сосудов, хотя они выглядят более приземистыми, чем на Хоккайдо, где были распространены преимущественно высокие вытянутые емкости. Низкие формы более характерны для Сахалина и особенно для южно-сахалинской культуры эпохи развитого неолита, по сахалинской классификации. Соответствуют самой первой керамике

островного региона и общая грубость сосудов со ст. Китовый-2 и 4, причем на Хоккайдо она более всего характерна для типа *акацуки*.

Показательно и наличие на дне этих сосудов оттисков, похожих на текстиль, хотя точный их характер по опубликованным иллюстрациям определить затруднительно. Отпечатки разных фактур на дне действительно появляются вместе с первой плоскодонной керамикой, как на Сахалине (веревочные циновки, древесина, имитация оттиска раковины гребешка), так и на Хоккайдо (раковина гребешка, древесный лист, веревочные циновки). Хотя впоследствии эта традиция сохраняется длительное время, как минимум на Японском архипелаге, для керамики охотской культуры она совершенно не характерна, что позволяет исключить ее из возможного круга поиска аналогий. Не соответствует охотским и морфология сосудов с обсуждаемых здесь стоянок.

Таким образом, несмотря на оригинальную орнаментацию в виде валиков, опоясывающих сосуд вдоль устья, нетипичную для начального дземона не только Сахалина, но и Хоккайдо, керамическая посуда ст. Китовый-2 и 4 все же более всего соответствует керамическим традициям именно этой эпохи. Как и почему возникла такая необычная орнаментация – вопрос, требующий отдельного внимания. Она была распространена на севере Маньжурии в культурах, связанных с пластинчатыми индустриями, а также на юге Кореи, но имеет там чуть более поздние (!) даты.

Продолжая анализ находок на ст. Китовый-2 и 4, нужно отметить, что некоторые из них имеют облик, который противоречит даже раннеголоценовым их датировкам, не говоря уже о еще более раннем времени. Среди них цилиндрические бусины из керамики, «жировая лампа», полностью отшлифованные тесла, крупные асимметрично-листовидные бифасы, – все эти находки скорее всего имеют более поздний возраст.

В эпоху протодземона украшения как таковые еще отсутствовали на островах – даже к югу от Хоккайдо, нет их в это время и на материке – в Приморье и Приамурье, а в раннеголоценовых комплексах они изготавливались из камня. Жировая лампа, по-видимому, представляет собой терочную плиту, хотя такие их формы среди раннеголоценовых находок Хоккайдо и Сахалина мне не встречались. Первые тесловидные орудия в островном регионе шлифовались только по рабочим поверхностям. Крупные асимметричные бифасы листовидных очертаний, показанные в публикации, были скорее характерны для материковых культур рубежа плейстоцена и голоцена, прежде всего, Приморья, а на Сахалине и Хоккайдо они появляются все же позже – с рубежа второго и третьего этапов.

И, наконец, последнее замечание касается «длинных могил». Все четыре объекта имеют одинаковую конструкцию. Это подквадратные или подпрямоугольные площадки, окконтуренные по периметру столбовыми ямками или узкими канавками. В центре каждой из них вдоль длинной оси располагались узкие длинные насыпи, обложенные по периметру базальтовой галькой. Длина насыпей 2,8–5,5 м, ширина 0,5–0,8 м, высота 0,2–0,3 м, ориентация – «восток – запад» (т. е. перпендикулярно береговой линии). В основании насыпей выявлены горелые пятна, форма и локализация которых не описывается, в составе насыпей обнаружены угольки, а из находок – только керамические бусины.

Отсутствие костяков и наличие следов горения в сочетании с формой насыпей позволило авторам раскопок сделать предположение, что это погребальные сооружения, имитирующие погребения в лодках, а сам обряд интерпретировать как кремацию.

Напрямую датирован только один объект, по возрасту он сопоставим с двумя поздними жилищами (№ 1–2), и в целом с концом эпохи начального дземона или раннего неолита. Но дата получена из загадочного «приямка», отношение которого ко всему сооружению не совсем понятно исходя из опубликованных данных. Находки же керамических бусин указывают, скорее, на эпоху палеометалла или средневековья.

Как показывает обзор литературы, погребальная практика даже в самых отдаленных регионах Северной Евразии развивалась в русле тех традиций, которые существовали в тот или иной момент времени на окружающих территориях. Эпохальные изменения, чем бы они не были вызваны, затрагивали эту сферу культуры также, как и любую иную, а, следовательно, они должны быть вполне узнаваемы. Однако аналогий «длинным могилам» нет,

в какие бы эпохи и на каких бы территориях мы их не искали.

Особенность региона, о котором мы говорим, состоит в том, что регулярная погребальная деятельность появляется здесь поздно: в конце неолита на Хоккайдо и в палеометалле на Сахалине и Курильских островах. Источником новаций в данной сфере в это и последующее время выступали два основных центра: южный, связанный с культурами эпидземона, яей и кофун, и северный, связанный с культурами раннего железного века и средневековья тунгусо-маньчжурского круга. Однако во всех погребальных памятниках данного региона господствовали совершенно иные традиции.

Ключевые отличия «длинных могил» – насыпи, кремации, каменные оградки, отсутствие инвентаря, огороженная площадка. Для поиска аналогий ключевое значение имеют первые две традиции, т. к. они проникают в дальневосточные обряды только в средние века, хотя и не в комплексе друг с другом, по-видимому, в силу разного происхождения. Ближайшие, но все равно очень отдаленные параллели «длинным могилам» можно найти только в покровской культуре Приамурья (Васильев, 2006). Часть погребений совершалась здесь с использованием кремации / огня для обеззараживания покойника, часть – с последующим сооружением надмогильных насыпей, некоторые из них со временем становились длинными за счет неоднократного дозахоронения. Кроме того, здесь встречаются парциальные ограды из камней (не насыпей, а могил – !), огораживание курганов ровиками, а также ориентировка могил по линии «запад–восток».

Что же касается эпохи начального дземона, с которой авторы публикации связывают «длинные могилы», даже финального ее этапа, то доказанных погребений этого времени на Сахалине и Хоккайдо пока нет. Строго говоря, сам факт использования кремации в «длинных могилах» остается в публикации недоказанным, как и то, что перед нами действительно могилы. Но даже если предположить, что это остатки не погребений, а обычных ритуальных объектов, все равно их не с чем сопоставить.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что удивительные в своей уникальности материалы двух новых стоянок Китовый-2 и 4 на Итурупе распадаются на три группы.

С первой группой пока связаны только три даты, свидетельствующие о том, что заселение Курильских островов могло начаться, как минимум, еще в эпоху похолодания молодого дриаса, т. е. на несколько тысяч лет раньше, чем предполагалось. Однако представленные в публикации материалы «культуры длинных могил» не только никак не соотносятся с синхронными материалами Сахалина и Хоккайдо, но и в определенной мере противоречат им. Прежде всего, это касается, более раннего появления на Курилах, чем на Сахалине и Хоккайдо, плоскодонной керамики и жилищ столбовой конструкции с очагами внутри, а также полного отсутствия пластинчатой техники. Поэтому вопросы о том, какому комплексу соответствуют столь ранние даты со стоянок Китовый-2 и 4 и не могут ли они быть ошибочными, остаются главным в понимании этой части их материалов.

Со второй группой связаны оставшиеся даты, все полуподземные жилища, керамическая посуда и, возможно, часть другого инвентаря, которую пока трудно установить. Эти находки синхронизируется со вторым и третьим этапами начального дземона по классификации японских археологов или ранним неолитом – началом развитого неолита по сахалинской классификации, иначе говоря, с началом распространения по островам неолитического образа жизни, связанным с появлением первых стационарных жилищ, массового керамического производства и первых украшений. Нельзя исключить, что это самая ранняя в настоящий момент группа находок на Курильских островах, по крайней мере, она вполне может иметь чуть более ранний, чем материалы Янкито, возраст.

С третьей группой связаны все остальные находки и в первую очередь ритуальные объекты, названные «длинными могилами». Хотя единственная прямая дата относит их к тому же времени, что и находки второй группы, уникальность этих объектов, полное отсутствие им аналогий, хотя бы отдаленных, в неолите соседних регионов, заставляет сомневаться в правомерности подобной их

датировки, а также вообще в обоснованности их интерпретации как погребений. Для правильного понимания этих сооружений необходимы более детализированная публикация полевых материалов и более полный анализ всех собранных на памятнике находок, в том числе и самых поздних.

И, наконец, представляется ошибкой включение всех трех названных групп находок в рамки единой культуры, растянутой во времени на несколько тысячелетий.

Список источников

Батаршев С.В. Руднинская археологическая культура в Приморье. Владивосток : Рея, 2009. 198 с. EDN: TYLLSL.

Василевский А.А. Периодизация верхнего палеолита Сахалина и Хоккайдо в свете исследований поселения Огоньки-5 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (15). С. 51–69.

Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное издательство, 2008. 409, [2] с. EDN: QPNMRB.

Василевский А.А., Грищенко В.А., Орлова Л.А. Периодизация, рубежи и контактные зоны эпохи неолита в островном мире дальневосточных морей (в свете радиоуглеродной хронологии памятников Сахалина и Курильских островов) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1 (41). С. 10–25. EDN: LBDKCR.

Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX–XIII вв. н. э.). Владивосток : Дальнаука, 2006. 371 с. EDN: QPEDHT.

Грищенко В.А. Ранний неолит острова Сахалина. Южно-Сахалинск : СахГУ, 2011. 183 с. EDN: UBBGND.

Грищенко В.А. Ранний неолит Сахалина – вопросы периодизации и содержания этапных признаков // Интернет-журнал СахГУ: Наука, образование, общество. 2013. № 1 (7). С. 3. EDN: TQMRVT.

Грищенко В.А., Пашенцев П.А., Василевский А.А. Начальный неолит Курильских островов: культура длинных могил // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 2. С. 3–12. DOI: 10.17746/1563-0102.2022.50.2.003-012. EDN: DZSIYM.

Дедяхин О.Ю. Археологические памятники долины реки Илюшина (о. Кунашир) // Вестник Сахалинского музея. 2013. № 1 (20). С. 3–24. EDN: YSFQTB.

Деревянко А.П., Нестеров С.П., Табарев А.В., Алкин С.В., Учида К., Куникита Д., Морисаки К., Мацудзаки Х. Ранненеолитическое поселение Новопетровка III в Западном Приамурье и его хронология // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 4. С. 57–66. DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.4.057-066. EDN: GCNKGR.

Кузьмин Я.В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток : Тихоок. ин-т географии ДВО РАН, 2005. 282 с. EDN: QPCMZJ.

Можаев А.В. Раскопки стоянки Село Рыбаки-2 на острове Итуруп Курильского архипелага // Археологические открытия 2016 г. 2019. № 2016. С. 479–482.

References

Batarshev S.V. (2009) Rudninskaya archaeological culture in Primorsky region. Vladivostok: Reya. 198 p. (In Russ.). EDN: TYLLSL.

Vasilevskii A.A. (2003) Periodization of the Upper Paleolithic of Sakhalin and Hokkaido in the light of research conducted at the Ogonki-5 site. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* No. 3 (15). P. 51-69. (In Russ.).

Vasilevskii A.A. (2008) *The Stone age of Sakhalin island*. Juzhno-Sahalinsk: Sahalinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 409 p. (In Russ.). EDN: QPNMRB.

Vasilevskii A.A., Grishhenko V.A., Orlova L.A. (2010) Periods, Boundaries, and Contact Zones in the Far Eastern Insular World of the Neolithic (Based on the Radiocarbon Chronology of Sites on the Sakhalin and Kuril Islands). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* No. 1 (41). P. 10-25. (In Russ). EDN: LBDKCR.

Vasil'ev Yu.M. (2006) Funeral ritual of Pokrovka culture (9th -13th centures). Vladivostok: Dal'nauka. 371 p. (In Russ.). EDN: QPEDHT.

Grishhenko V.A. (2011) The Early Neolithic of Sakhalin island. Juzhno-Sahalinsk: Sakhalin State University. 183 p. (In Russ.). EDN: UBBGND.

Grishhenko V.A. (2013) Early Neolithic of Sakhalin island - a questions of periodization and contents of signs stages. *Internet-Journal of* Sakhalin State University: Science, Education, Society. No. 1 (7). P. 3. (In Russ.). EDN: TQMRVT.

Grishhenko V.A., Pashencev P.A., Vasilevskii A.A. (2022) The Incipient Neolithic of the Kurile Islands: The Culture of Long Barrows. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. Vol. 50. No. 2. P. 3-12. (In Russ.). DOI: 10.17746/1563-0102.2022.50.2.003-012. EDN: DZSIYM.

Dedyakhin O.Yu. (2013) The archaeological sites along the Iljushina river valley. *Bulletin of the Sakhalin Regional Museum.* No. 1 (20). P. 3-24. (In Russ.). EDN: YSFQTB.

Derevyanko A.P., Nesterov S.P., Tabarev A.V., Alkin S.V., Uchida K., Kunikita D. et al. (2020) Novopetrovka III-an early Neolithic site in the Western Amur basin and its chronology. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* Vol. 48. No. 4. P. 57-66. (In Russ.). DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.4.057-066. EDN: GCNKGR.

Kuz'min Ya.V. (2005) Geochronology and paleoenvironment in the Late Paleolithic and Neolithic of temperate East Asia. Vladivostok: Pacific Geographical Institute FEB RAS. 282 p. (In Russ.). EDN: QPCMZJ.

Mozhaev A.V. (2019) Excavations an archaeological site Selo Rybaki 2 on the island Iturup Kuril Archipelago. *Archaeological Discoveries of 2016.* No. 2016. P. 479-482 (In Russ.).

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.479-482.
EDN: YUWJJJ.

Моисеев В.Г., Зубова А.В., Де Ла Фуэнте К., Яншина О.В., Кишкурно М.С., Чикишева Т.А. Новые краниологические и палеогенетические данные к проблеме происхождения коренного населения Хоккайдо и Сахалина // Camera Praehistorica. 2019. № 2 (3). С. 137–146. DOI: 10.31250/2658-3828-2019-2-137-146. EDN: HGGGPE.

Пашенцев П.А. Археологические источники рубежа I–II тыс. н. э. в южной части острова Уруп: Итоги предварительного изучения // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани, Казань, 20–25 октября 2014 года. Казань: Отечество, 2014. Т. 2. С. 223–225. EDN: VDBBCL.

Пташинский А.В. Результаты археологических исследований на острове Матуа (Курильские острова) // Россия и АТР. 2011. № 3 (73). С. 37–49. EDN: OODJRR.

Пташинский А.В. Предварительные результаты археологических исследований на островах Северо-Курильского района Сахалинской области // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (23). С. 13–33. EDN: SFMLVH.

Самарин И.А., Шубина О.А. Памятники истории и культуры Южно-Курильского района. Южно-Сахалинск : Сахалинский обл. краеведческий музей : Сахалинская обл. тип., 2013. 159 с.

Такасэ К., Шубина О.А., Фицхью Д.Б., Этниер М., Тэзука К., Самарин И.А., Марков И.Г., Шепова А.Л. Археологические исследования на острове Шумшу в 2016 г. // Вестник Сахалинского музея. 2017. № 1 (24). С. 21–35. EDN: YSDZPF.

Шубина О.А., Яншина О.В. Предварительные итоги археологического исследования поселения Янкито-2 на о. Итурупе в 2013 г. // Вестник Сахалинского музея. 2014. № 1 (21). С. 3–47. EDN: YSFFJR.

Яншина О.В. Новые данные о керамике культуры сони и ее происхождении // Археология CIRCUM-PACIFIC: Памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда. Владивосток : Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2017. С. 195–219. EDN: XZFPNZ.

Яншина О.В. Переход от палеолита к неолиту в Китае. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2021а. 418 с.

Яншина О.В. Могильник на озере Танковое (о. Итуруп): краткая история и результаты исследований // Camera praehistorica. 2021b. № 2 (7). С. 58–81. DOI: 10.31250/2658-3828-2021-2-58-81. EDN: NVASRL.

Fitzhugh, B. (2012). Hazards, Impacts, and Resilience among Hunter-Gatherers of the Kuril Islands. In J. Cooper & P. Sheets (Eds.), Surviving Sudden Environmental Change: Answers From Archaeology University Press of Colorado. Pp. 19–42. DOI: 10.2307/j.ctt1wn0rbs.6/.

Fitzhugh, B. (2018) The Kuril Biocomplexity Project: Anatomy of an Interdisciplinary Research Program in the North Pacific. Engaging Archaeology: 25 Case Studies in Research Practice, S.W. Silliman (Ed.). Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell. P. 61–69. DOI: 10.1002/9781119240549.ch7.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.479-482.
EDN: YUWJJJ.

Moiseev V.G., Zubova A.V., De La Fuente K., Yanshina O.V., Kishkurno M., Chikisheva T.A. (2019) Origin of indigenous peoples of Sakhalin and Hokkaido according to new cranial metric and genetic data. *Camera Praehistorica*. Vol. 3. No 2. P. 137-146. (In Russ.). DOI: 10.31250/2658-3828-2019-2-137-146. EDN: HGGGPE.

Pashencev P.A. (2014) The preliminary results of investigation of archaeological sources in the southern part of Urup island: at the turn of the first and second millennia AD. *Trudy IV(XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani, Kazan', 20–25 oktyabrya 2014 goda = Proceedings of IV(XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan'.* Kazan', October 20-25, 2014. Kazan': Otechestvo. Vol. 2. P. 223-225. (In Russ.). EDN: VDBBCL.

Ptashinskii A.V. (2011) The results of archaeological research on Matua island (the Kuril islands). *Russia and the Pacific*. No. 3. P. 37-49. (In Russ.). EDN: OODJRR.

Ptashinskii A.V. (2014) Preliminary results of archaeological research on the Nortnern Kuril islands of Sakhalin region. *Bulletin KRASEC. Humane studies.* Vol. 23. No. 1. P. 13-33. (In Russ.). EDN: SFMLVH.

Samarin I.A., Shubina O.A. (2013) Historical and cultural monuments of the South Kuril region. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskii obl. kraevedcheskii muzei : Sakhalinskaya obl. tip. 159 p. (In Russ.).

Takase K., Shubina O.A., Fitskh'yu D.B., Etnier M., Tezuka K., Samarin I.A. et al. (2017) Archaeological research on Shumshu island in 2016. *Bulletin of the Sakhalin Regional Museum*. No. 1. Vol. 24. P. 21-35. (In Russ.). EDN: YSDZPF.

Shubina O.A., Yanshina O.V. (2014) The preliminary results of archaeological research at the Yankito-2 site on the Iturup island in 2013. *Bulletin of the Sakhalin Regional Museum*. Vol. 21. No. 1. P. 3-47. (In Russ.). EDN: YSFFJR.

Yanshina O.V. (2017) New data on the ceramics of the soni culture and its genesis. *CIRCUM-PASIFIC archaeology: in Memoria of Igor' Yakovlevich Shevkomud*. Vladivostok: Tihookeanskoe izdatel'stvo "Rubezh". P. 195-219. (In Russ.). EDN: XZFPNZ.

Yanshina O.V. (2021a) Paleolithic-to-Neolithic transition in China. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography. 418 p. (In Russ.).

Yanshina O.V. (2021b) The burial ground on Tankovoye Lake (Iturup island): brief history and results of research. *Camera Praehistorica*. Vol. 7. No. 2. P. 58-81. (In Russ.). DOI: 10.31250/2658-3828-2021-2-58-81. EDN: NVASRL.

Fitzhugh, B. (2012). Hazards, Impacts, and Resilience among Hunter-Gatherers of the Kuril Islands. In J. Cooper & P. Sheets (Eds.), Surviving Sudden Environmental Change: Answers From Archaeology University Press of Colorado. Pp. 19–42. DOI: 10.2307/j.ctt1wn0rbs.6/.

Fitzhugh, B. (2018) The Kuril Biocomplexity Project: Anatomy of an Interdisciplinary Research Program in the North Pacific. Engaging Archaeology: 25 Case Studies in Research Practice, S.W. Silliman (Ed.). Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell. P. 61–69. DOI: 10.1002/9781119240549.ch7.

Fitzhugh, B. (2019) Settlement History and Archaeology of the Kuril Islands in a Regional Context. In, Tradition and Culture of North Pacific Rim Area: 3 Kamchatka Peninsula and Kuril Islands, edited by A. Nakada. The Proceedings of the 33rd International Abashiri Symposium. Abashiri, Japan: The Association for the Promotion of Northern Cultures. Pp. 15-24.

Fitzhugh, B., Gjesfjeld, E., Brown, W.A., Hudson, M., Shaw, J.D. (2016) Resilience and the population history of the Kuril Islands, Northwest Pacific: A study in complex human ecodynamics. *Quaternary International*. Vol. 419. P. 165-193. DOI: 10.1016/j.quaint.2016.02.003.

Fitzhugh, B., Moore, S., Lockwood, C., & Boone, C. (2004) Archaeological Paleobiogeography in the Russian Far East: The Kuril Islands and Sakhalin in Comparative Perspective. *Asian Perspectives*, 43(1), 92-121. DOI: 10.1353/asi.2004.0001.

Fitzhugh B., Shubin V., Tezuka K., Ishizuka Y., and Mandryk C.A.S. (2002) Archaeology in the Kuril Islands: Advances in the study of human Paleobiogeography and Northwest Pacific Prehistory. *Arctic Anthropology*. 39(1-2), 69-94. https://www.jstor.org/stable/40316566.

Fukuda M., Grishchenko V., Vasilevskii A., Onuki S., Kumaki T., Kunikita D., Morisaki K., Sato H., Mozhaev A.V., Pashentsev P.A., Peregudov A.S., Yakushige M., Natsuki D., Koroku A. (2015b) A report of archaeological excavation at the Early Neolithic site of Slavnaya-5, Sakhalin Island, Russia. Bulletin of the Department of Archaeology the University of Tokyo. Tokyo: Tokyo University, No. 29. pp. 121-146.

Fukuda M., Grishchenko V., Vasilevskii A., Onuki S., Sato H., Kumaki T., Kunikita D., Peregudov A., Uchida K., Morisaki K., Yakushige M., Natsuki D.,Yamashita Y. (2015a) Sakahalin Chubu Ado-Tymovo isekigun no Kokogaku-teki Chosa (2014) (The 2014 Archaeological investigation of the Ado-Tymovo sites, Middle Sakhalin). In the Proceeding of the 16th Annual meeting of the RANA (Dai-16-kai Kita Asia Chosa Kenkyu Houkokukai Happyou Yoshi) / Edited by Sato H. Tokyo: Tokyo University. pp. 35-42.

Fukuda M., Grishchenko V.A. (2017) The Adaptations of Neolithic Cultures in the Sakhalin-l / Japanese Archipelago. The Proceedings of the 31 st Intemational Abashiri Symposium: Tradition and Culture of North Pacific Rim Area 1: Sakhalin. Abashiri: Hokkaido Northern Ethnic Museum. P. 7-12.

Fukuda M., Shewkomud I., Morisaki K., and Kumaki T. (2014) An archaeological study on prehistoric cultural Interaction in the northern Circum Japan sea area: Yamikhta site excavation report. Tokoro Research Laboratory of the University of Tokyo. Bulletin of the Department of Archaeology the University of Tokyo. Tokyo: The University of Tokyo. Vol. 26. 171 p.

Gjesfjeld, E., Etnier M.A.,Takase K., Brown W.A., and Fitzhugh, B. (2019) Biogeography and adaptation in the Kuril Islands, Northeast Asia. *World Archaeology*, 51(3), pp. 429–453. DOI: 10.1080/00438243.2019.1715248.

Kimura, H. (1999) The blade arrowhead culture over Northeast Asia. Archaeological Series №2. Sapporo: Sapporo University. ed. by Kimura Hideaki. 218 p.

Kuzmin, Y.V., Keally, C.T., Jull, A.J., Burr, G.S., and Klyuev, N.A. (2012) The earliest surviving textiles in East Asia

Fitzhugh, B. (2019) Settlement History and Archaeology of the Kuril Islands in a Regional Context. In, Tradition and Culture of North Pacific Rim Area: 3 Kamchatka Peninsula and Kuril Islands, edited by A. Nakada. The Proceedings of the 33rd International Abashiri Symposium. Abashiri, Japan: The Association for the Promotion of Northern Cultures. Pp. 15-24.

Fitzhugh, B., Gjesfjeld, E., Brown, W.A., Hudson, M., Shaw, J.D. (2016) Resilience and the population history of the Kuril Islands, Northwest Pacific: A study in complex human ecodynamics. *Quaternary International*. Vol. 419. P. 165-193. DOI: 10.1016/j.quaint.2016.02.003.

Fitzhugh, B., Moore, S., Lockwood, C., & Boone, C. (2004) Archaeological Paleobiogeography in the Russian Far East: The Kuril Islands and Sakhalin in Comparative Perspective. *Asian Perspectives*, 43(1), 92-121. DOI: 10.1353/asi.2004.0001.

Fitzhugh B., Shubin V., Tezuka K., Ishizuka Y., and Mandryk C.A.S. (2002) Archaeology in the Kuril Islands: Advances in the study of human Paleobiogeography and Northwest Pacific Prehistory. *Arctic Anthropology*. 39(1-2), 69-94. https://www.jstor.org/stable/40316566.

Fukuda M., Grishchenko V., Vasilevskii A., Onuki S., Kumaki T., Kunikita D., Morisaki K., Sato H., Mozhaev A.V., Pashentsev P.A., Peregudov A.S., Yakushige M., Natsuki D., Koroku A. (2015b) A report of archaeological excavation at the Early Neolithic site of Slavnaya-5, Sakhalin Island, Russia. Bulletin of the Department of Archaeology the University of Tokyo. Tokyo: Tokyo University, No. 29. pp. 121-146.

Fukuda M., Grishchenko V., Vasilevskii A., Onuki S., Sato H., Kumaki T., Kunikita D., Peregudov A., Uchida K., Morisaki K., Yakushige M., Natsuki D.,Yamashita Y. (2015a) Sakahalin Chubu Ado-Tymovo isekigun no Kokogaku-teki Chosa (2014) (The 2014 Archaeological investigation of the Ado-Tymovo sites, Middle Sakhalin). In the Proceeding of the 16th Annual meeting of the RANA (Dai-16-kai Kita Asia Chosa Kenkyu Houkokukai Happyou Yoshi) / Edited by Sato H. Tokyo: Tokyo University. pp. 35-42.

Fukuda M., Grishchenko V.A. (2017) The Adaptations of Neolithic Cultures in the Sakhalin-l / Japanese Archipelago. The Proceedings of the 31 st Intemational Abashiri Symposium: Tradition and Culture of North Pacific Rim Area 1: Sakhalin. Abashiri: Hokkaido Northern Ethnic Museum. P. 7-12.

Fukuda M., Shewkomud I., Morisaki K., and Kumaki T. (2014) An archaeological study on prehistoric cultural Interaction in the northern Circum Japan sea area: Yamikhta site excavation report. Tokoro Research Laboratory of the University of Tokyo. Bulletin of the Department of Archaeology the University of Tokyo. Tokyo: The University of Tokyo. Vol. 26. 171 p.

Gjesfjeld, E., Etnier M.A.,Takase K., Brown W.A., and Fitzhugh, B. (2019) Biogeography and adaptation in the Kuril Islands, Northeast Asia. *World Archaeology*, 51(3), pp. 429–453. DOI: 10.1080/00438243.2019.1715248.

Kimura, H. (1999) The blade arrowhead culture over Northeast Asia. Archaeological Series №2. Sapporo: Sapporo University. ed. by Kimura Hideaki. 218 p.

Kuzmin, Y.V., Keally, C.T., Jull, A.J., Burr, G.S., and Klyuev, N.A. (2012) The earliest surviving textiles in East Asia

from Chertovy Vorota Cave, Primorye Province, Russian Far East. *Antiquity*, 86(332), pp. 325-337. DOI: 10.1017/S0003598X00062797.

Kuzmin, Y.V., Yanshina, O.V., Fitzpatrick, S.M., and Shubina, O.A. (2012) The Neolithic of the Kurile Islands (Russian Far East): Current State and Future Prospects. *Journal of Island & Coastal Archaeology*, 7(2), pp. 234-254. DOI: 10.1080/15564894.2011.652762.

Kuzmin, Y.V., Yanshina, O.V., and Grebennikov, A.V. (2023) Obsidian in prehistoric complexes of the southern Kurile islands (the Russian Far East): A review of sources, their exploitation, and population movements. *The Journal of Island and Coastal Archaeology*, 18(1), pp. 118-135. DOI: 10.1080/15564894.2021.1904061.

Morisaki, K., Kunikita, D., and Sato, H. (2018) Holocene climatic fluctuation and lithic technological change in northeastern Hokkaido (Japan). *Journal of Archaeological Science: Reports*, 17, pp. 1018-1024. DOI: 10.1016/j.jasrep.2016.04.011.

Natsuki, D. (2022) Migration and adaptation of Jomon people during Pleistocene/Holocene transition period in Hokkaido, Japan. *Quaternary International*, 608-609, pp. 49-64. DOI: 10.1016/j.quaint.2021.01.009.

Obihiro. Yachiyo A site (Articles). Obihiro: Obihiro City Board of Education, 1990. 101 p.

Phillips, S.C. (2010) Bridging the Gap between Two Obsidian Source Areas in Northeast Asia: LA-ICP-MS Analysis of Obsidian Artefacts from the Kuril Islands of the Russian Far East // Crossing the Straits: Prehistoric Obsidian Source Exploitation in the North Pacific Rim, edited by Kuzmin, Yaroslav V. and Glascock, Michael D., British Archaeological Reports (S2152). Oxford: Archaeopress. Pp. 121–136.

Phillips, S.C., and Speakman, R.J. (2009) Initial Source Evaluation of Archaeological Obsidian from the Kuril Islands of the Russian Far East Using Portable XRF. *Journal of Archaeological Science*, 36(6), pp. 1256-1263. DOI: 10.1016/j.jas.2009.01.014.

Takakura, J. (2020) Rethinking the Disappearance of Microblade Technology in the Terminal Pleistocene of Hokkaido, Northern Japan: Looking at Archaeological and Palaeoenvironmental Evidence. *Quaternary*, 3(3), 21. DOI: 10.3390/quat3030021.

Tezuka, K., and Fitzhugh, B. (2004) New Evidence for Expansion of the Jomon Culture and the Ainu into the Kuril Islands: from IKIP 2000. Anthropological Research in the Kuril Islands. *Bulletin of the Hokkaido University Museum*. Vol. 2. P. 85-95.

Yanshina, O.V. (2017) The earliest pottery of the eastern part of Asia: Similarities and Differences. *Quaternary International*, 441, part B, 69-80. DOI: 10.1016/j.quaint.2016.10.035.

Yanshina, O. (2019) Understanding the specific nature of the East Asia Neolithic transition. *Documenta Praehistorica*, 46, pp. 6–29. DOI: 10.4312/dp.46.1.

Yanshina, O.V., and Kuzmin, Y.V. (2010) The Earliest Evidence of Human Settlement in the Kurile Islands (Russian Far East): the Yankito Site Cluster, Iturup Island. *The Journal of Island and Coastal Archaeology*, 5(1), 179-184. DOI: 10.1080/15564891003663927.

from Chertovy Vorota Cave, Primorye Province, Russian Far East. *Antiquity*, 86(332), pp. 325-337. DOI: 10.1017/S0003598X00062797.

Kuzmin, Y.V., Yanshina, O.V., Fitzpatrick, S.M., and Shubina, O.A. (2012) The Neolithic of the Kurile Islands (Russian Far East): Current State and Future Prospects. *Journal of Island & Coastal Archaeology*, 7(2), pp. 234-254. DOI: 10.1080/15564894.2011.652762.

Kuzmin, Y.V., Yanshina, O.V., and Grebennikov, A.V. (2023) Obsidian in prehistoric complexes of the southern Kurile islands (the Russian Far East): A review of sources, their exploitation, and population movements. *The Journal of Island and Coastal Archaeology*, 18(1), pp. 118-135. DOI: 10.1080/15564894.2021.1904061.

Morisaki, K., Kunikita, D., and Sato, H. (2018) Holocene climatic fluctuation and lithic technological change in northeastern Hokkaido (Japan). *Journal of Archaeological Science: Reports*, 17, pp. 1018-1024. DOI: 10.1016/j.jasrep.2016.04.011.

Natsuki, D. (2022) Migration and adaptation of Jomon people during Pleistocene/Holocene transition period in Hokkaido, Japan. *Quaternary International*, 608-609, pp. 49-64. DOI: 10.1016/j.quaint.2021.01.009.

Obihiro. Yachiyo A site (Articles). Obihiro: Obihiro City Board of Education, 1990. 101 p.

Phillips, S.C. (2010) Bridging the Gap between Two Obsidian Source Areas in Northeast Asia: LA-ICP-MS Analysis of Obsidian Artefacts from the Kuril Islands of the Russian Far East // Crossing the Straits: Prehistoric Obsidian Source Exploitation in the North Pacific Rim, edited by Kuzmin, Yaroslav V. and Glascock, Michael D., British Archaeological Reports (S2152). Oxford: Archaeopress. Pp. 121–136.

Phillips, S.C., and Speakman, R.J. (2009) Initial Source Evaluation of Archaeological Obsidian from the Kuril Islands of the Russian Far East Using Portable XRF. *Journal of Archaeological Science*, 36(6), pp. 1256-1263. DOI: 10.1016/j.jas.2009.01.014.

Takakura, J. (2020) Rethinking the Disappearance of Microblade Technology in the Terminal Pleistocene of Hokkaido, Northern Japan: Looking at Archaeological and Palaeoenvironmental Evidence. *Quaternary*, 3(3), 21. DOI: 10.3390/quat3030021.

Tezuka, K., and Fitzhugh, B. (2004) New Evidence for Expansion of the Jomon Culture and the Ainu into the Kuril Islands: from IKIP 2000. Anthropological Research in the Kuril Islands. *Bulletin of the Hokkaido University Museum*. Vol. 2. P. 85-95.

Yanshina, O.V. (2017) The earliest pottery of the eastern part of Asia: Similarities and Differences. *Quaternary International*, 441, part B, 69-80. DOI: 10.1016/j.quaint.2016.10.035.

Yanshina, O. (2019) Understanding the specific nature of the East Asia Neolithic transition. *Documenta Praehistorica*, 46, pp. 6–29. DOI: 10.4312/dp.46.1.

Yanshina, O.V., and Kuzmin, Y.V. (2010) The Earliest Evidence of Human Settlement in the Kurile Islands (Russian Far East): the Yankito Site Cluster, Iturup Island. *The Journal of Island and Coastal Archaeology*, 5(1), 179-184. DOI: 10.1080/15564891003663927.

Yanshina, O.V., Kuzmin, Y., and Bur, G.S. (2009) Yankito, the Oldest Archaeological Site Cluster on the Kurile Islands (Russian Far East). *Current Research in the Pleistotsen*, 26, 30-33.

Информация об авторе

Яншина Оксана Вадимовна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел этнографии народов Америки,
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3, Россия,
e-mail: oyanshina@mail.ru,
https://orcid.org/000-0003-1121-308X

Вклад автора

Яншина О.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 6 марта 2024 г.; одобрена после рецензирования 12 мая 2024 г.; принята к публикации 20 мая 2024 г.

Yanshina, O.V., Kuzmin, Y., and Bur, G.S. (2009) Yankito, the Oldest Archaeological Site Cluster on the Kurile Islands (Russian Far East). *Current Research in the Pleistotsen*, 26, 30-33.

Information about the author

Oksana V. Yanshina
Cand. Sci. (History), Senior Researcher, the department of America Peoples Ethnography,
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences,
3, Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia,
e-mail: oyanshina@mail.ru,
https://orcid.org/000-0003-1121-308X

Contribution of the author

Yanshina O.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 6, 2024; approved after reviewing May 12, 2024; accepted for publication May 20, 2024.